

---

## ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНАЯ ПОЭТИКА

**С.А.Кибальник<sup>1</sup>**

*Институт русской литературы (Пушкинский Дом),  
Санкт-Петербургский государственный университет*

### К ВОПРОСУ О ЛИТЕРАТУРНОМ ГЕНЕЗИСЕ МИСТЕРА АСТЛЕЯ

Сравнение мистера Астлея со многими образами англичан в английской и французской литературах, а также с образами англичан, иностранцев и англоманов в русской литературе 1830-1850-х годов позволяет уточнить наши представления об этом герое и расширить список его литературных прообразов. Оно также показывает, что образ мистера Астлея восходит не только к английской и французской, но и к русской литературе.

*Ключевые слова:* герой, англичанин, иностранец, русский, роман, прообраз, интеркультурный, дискурс.

**S.A. Kibalnik**

*Institute of Russian Literature (Pushkin House)  
St. Petersburg State University*

### TOWARDS THE ISSUE OF MR. ASTLEY'S LITERARY GENESIS

Mr. Astley's comparison with many portraits of the English in English and French literature, as well as portraits of the English and Anglomania foreigners in Russian literature of 1830-1850s allows us to refine our understanding of this character and expand the list of his literary

---

<sup>1</sup> Сергей Акимович Кибальник, ведущий научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский Дом), профессор Санкт-Петербургского государственного университета, член Международного общества Ф.М. Достоевского

prototypes. It also shows that the figure of Mr. Astley goes back not only to the English and French, but also to Russian literature.

**Keywords:** character, an Englishman, a foreigner, a Russian novel, the prototype, intercultural, discourse.

Литературный генезис образа мистера Астлея, по-видимому, значительно более сложен по сравнению с его реально-биографической основой. В первую очередь он связан с типом благородного, но чудаковатого британца, который широко представлен во многих произведениях английской и французской литературы. С одной стороны, мистер Астлей «сопровождается “шлейфом” ассоциаций – от “Векфильдского священника” Голдсмита до положительных героев Диккенса» [Живолупова, 2004, с. 16; см. также: Катарский, 1966, с. 357-401]. С другой стороны, его взаимоотношения с Полиной «психологически созвучны истории главных героев первого романа Ж. Санд “Индиана” (1832; русск. перевод – 1833). Сходство усиливается тем, что благородный и преданно любящий Индиану персонаж этого романа Ральф – англичанин, противопоставлен его сопернику – французскому Раймону» [Достоевский, 1973, V, с. 402].

М.В. Джоунс полагал, что «Индиана» представляет собой при этом «наиболее убедительную аналогию. <...> Сэр Ральф Браун, подобно мистеру Астлею, обязан своим состоянием торговле в Восточно-Индийских колониях (хотя и торговле кофе, а не сахаром); он превращает свою глубокую страсть к героине в самоотверженное служение и братскую дружбу, которые включают старание оградить ее от более хищных, беспринципных и внешне блестящих мужчин. <...> Однако хотя эти типологические параллели бросаются в глаза, мы имеем здесь дело не с переносом, а с такой сложной трансформацией, которая типична для раннего Достоевского. Готическая атмосфера романа Санд, с его внутренним призывом к эмансипации женщин, превращена в соответствии со сходной моделью в комедию в духе Достоевского, построенную на психологии крайностей» [Jones, 2002, p. 41].

Герой Жорж Санд действительно один из ближайших прообразов мистера Астлея. Особенно сильно это ощущается в определенных эпизодах «Игрока». Так, самоотвержение и преданность, которые мистер Астлей проявляет в отношении Полины

после ночи, проведенной ею в комнате Алексея Ивановича, очевидно, представляют собой трансформацию поведения и разговора Ральфа Брауна с матерью Реймона де Рамьера после ночи, проведенной Индианой в их доме: « – Она хотела обмануть мужа! Она хотела обесчестить себя! – повторял Ральф с остановившимся взглядом, в каком-то странном смятении чувств. – Как же сильно она любит этого недостойного человека! Ральф совсем забыл, что говорит с матерью Реймона. – Я уже давно догадывался, – продолжал Ральф, – но почему я не предвидел, что наступит день, когда она решит окончательно погубить себя! Я скорее убил бы ее, чем допустил это! Такие речи в устах Ральфа крайне поразили госпожу де Рамьер; она думала, что говорит с человеком спокойным и снисходительным, и теперь раскаивалась, что поверила его внешней невозмутимости» [Жорж Санд, 1992, I, с. 194].

Герой Достоевского также теряет самообладание в финале романа, открывая Алексею Ивановичу, что Полина по-прежнему любит его: « – Это гнусный вздор... потому, потому... знайте же! – произнес мистер Астлей дрожащим голосом и сверкая глазами, – знайте же, неблагодарный и недостойный, мелкий и несчастный человек, что я прибыл в Гомбург нарочно по ее поручению...» [Достоевский, 1973, V, с. 316-317]. Тем не менее, будет ли вознаграждена в романе его преданность Полине, в отличие от преданности Ральфа Индиане, так и остается неясным.

Впрочем, у мистера Астлея есть и другой близкий прообраз во французской литературе, который до настоящего времени не был даже назван. Это молодой лорд Артур Гранвиль из «Тридцатилетней женщины» (<1842>) Бальзака. Герой Достоевского в его не менее сильном, чем у Алексея Ивановича, увлечении Полиной, сохраняет, однако, все черты британской «застенчивости, стыдливости и молчаливости» [Достоевский, 1973, V, с. 221]: «Мистер Астлей весьма часто встречается с нами на прогулках. Он снимает шляпу и проходит мимо, умирая, разумеется, от желания к нам присоединиться. Если же его приглашают, то он тотчас отказывается. На местах отдыха, в воксале, на музыке или пред фонтаном он уже непременно останавливается где-нибудь недалеко от нашей скамейки, и где бы мы ни были: в парке ли, в лесу ли, или на Шлангенберге, – стоит только вскинуть глазами, посмотреть кругом, и непременно где-нибудь, или

на ближайшей тропинке, или из-за куста, покажется уголок мистера Астлея» [Достоевский, 1973, V, с. 222].

Все эти черты, а также скромные и в то же время настойчивые ухаживания за Полиной, похоже, унаследованы им от лорда Гранвиля, влюбленного в Жюли д'Эглемон, которой ее тетя с полным основанием замечает: «...ведь, конечно, не ради меня он проезжает под нашими окнами по два раза в день с тех пор, как вы здесь...», «Они (Жюли и ее тетя – С.К.) одновременно обернулись и увидели молодого англичанина, который, как всегда, не спеша проезжал по улице. Казалось, он изучил, какой образ жизни ведут затворницы, и никогда не пропускал часа их завтрака или обеда. Лошадь сама замедляла шаг, не было надобности приостанавливать ее; проезжая мимо окон – двух окон столовой, – Артур не сводил с них печального взгляда. <...> Садясь за стол, обе женщины одновременно посмотрели на островитянина. На этот раз глаза Жюли и Артура встретились, и она прочла в его взгляде столько чувства, что вспыхнула. А он тотчас же хлестнул лошадь и умчался галопом» [Бальзак, 1983, II, с. 85, 90].

Любознательность и страсть к путешествиям мистера Астлея: «...был нынешним летом на Норд-Капе...» [Достоевский, 1973, V, с. 210] – самом известном из северных мысов Европы, на лапландском острове Магерез в Норвегии (скала высотой свыше 1200 футов) – и желание заниматься научными исследованиями: по словам Полины, «он хочет на Северный полюс ехать для ученых исследований...» [Достоевский, 1973, V, с. 297] – возможно, также навеяны этим героем Бальзака: «В тысяча восемьсот втором году он по совету врачей приехал в Монпелье, надеясь, что воздух тех краев исцелит его от тяжелой грудной болезни, – он был почти при смерти. А тут началась война, и, как все его соотечественники, он был арестован по приказу Бонапарта: ведь этот изверг жить не может без войны. И молодой человек от скуки стал изучать свою болезнь, которая считалась неизлечимой. Мало-помалу он увлекся анатомией, медициной и пристрастился к наукам этого рода, что весьма удивительно для человека знатного: впрочем, ведь увлекался же Регент химией! Словом, господин Артур добился успехов, удивлявших даже профессоров в Монпелье; занятие наукой скрасило ему жизнь в плену, да к тому же он совершенно излечился» [Бальзак, 1983, II, с. 85].

Если в финале «Игрока» сообщается, что для поправления здоровья Полина «некоторое время» жила с «матерью и сестрой»

мистера Астлея «в северной Англии», а теперь «путешествует вместе с семейством» его «сестры, вышедшей замуж» [Достоевский, 1973, V, с. 315], то в «Тридцатилетней женщине» лорд Гранвиль «целый год» «самоотверженно заботился» о Жюли д'Эглемон: «Лорд Гранвиль закрыл лицо рукой, ибо глаза его наполнились слезами. В первый раз со дня их отъезда из Парижа Жюли благодарила его. Целый год он самоотверженно заботился о ней. Вместе с д'Эглемоном он сопровождал ее на воды в Экс, потом на морское побережье, в Ла-Рошель. Он неотступно следил за тем, как в подорванном организме Жюли восстанавливаются силы под воздействием его разумных и простых предписаний, он выхаживал ее, как страстный садовод выхаживает редкостный цветок» [Бальзак, 1983, II, с. 110].

Так и оставшаяся не вознагражденной беззаветная преданность лорда Гранвиля Жюли д'Эглемон оттеняет несколько пренебрежительное отношение женившегося на ней по расчету графа-француза Виктора д'Эглемона, который отдаленно напоминает Де-Грие Достоевского. Первая часть романа заканчивается смертью лорда Гранвиля, который, чтобы не бросить на ее честь каких-либо подозрений, проводит «в лютый холод» ночь на балконе Жюли: приехав к ней, он был вынужден спрятаться там, так как в дом вернулся д'Эглемон [Бальзак, 1983, II, с. 123].

Последний мотив отдаленно корреспондирует со следующим диалогом между Алексеем Ивановичем и мистером Астлеем: «Кстати, вы мне даете идею: не стояли ли вы всю ночь у нас под окном? Мисс Полина всю ночь заставляла меня открывать окно и смотреть, – не стоите ли вы под окном, и ужасно смеялась. – Неужели? Нет, я под окном не стоял; но я ждал в коридоре и кругом ходил» [Достоевский, 1973, V, с. 300]. Впрочем, эта деталь поведения мистера Астлея скорее отчасти восходит к мучениям Армана Дюваля из «Дамы с камелиями», который проводит ночь, следя за домом Маргариты и желая «подтвердить свои подозрения». «Около полуночи» он действительно видит, как знакомая ему карета «остановилась около девятого номера. Вышел граф Г., отпустил экипаж и вошел в дом. Одно мгновение мне казалось, что ему, как и мне, ответят, что Маргариты нет дома и он уйдет, но я тщетно ждал до четырех часов утра. Я много страдал за последние три недели, но все это ничто в сравнении с тем, что я выстрадал в ту ночь» [Дюма, 1991, с. 111].

Разумеется, в первую очередь с образом Армана у Достоевского соотнесен образ пылкого Алексея Ивановича [см. подробнее об этом: Кибальник, 2014, с. 135-148], однако, как мы видим, отдельные детали, относящиеся к нему, перешли и на обычно сдержанного мистера Астлея. Причем, соответственно, мистер Астлей в какой-то мере восходит в этом случае и к кавалеру де Гриё из романа А. Прево «Манон Леско». Впрочем, в этом нет ничего удивительного: «Верностью, преданностью Полине напоминает героя Прево и англичанин мистер Астлей. Возникает новая параллель – и вновь в конфликтном варианте, суть которого раскрывает Алексей Иванович в разговоре о красоте и “национальных формах”» [Жилиякова, 1991, с. 188].

Как известно, мистер Астлей если и не лорд, то, во всяком случае, по словам Алексея Ивановича, «племянник лорда, настоящего лорда, это известно всем, лорда Пиброка...» [Достоевский, 1973, V, с. 242].<sup>1</sup> И в то же время он занят предпринимательской деятельностью: « – Вы **сахаровар**, мистер Астлей? – Да, я участвую в компании известного сахарного завода Ловель и Комп. – Ну, вот видите, мистер Астлей. С одной стороны – **сахаровар**, а с другой – Аполлон Бельведерский; все это как-то не связывается» [Достоевский, 1973, V, с. 316]. Соединение родовитости с предпринимательской деятельностью в то время было особенностью англичан, резко отличающей их от русского дворянства.

При этом Достоевский приписывает мистеру Астлею род деятельности, пользовавшийся в те годы в Европе особой популярностью. Свидетельство этому находим в романе Тургенева «Дворянское гнездо»: «Паншин между тем продолжал поддерживать разговор. Он навел речь на **выгоды сахароварства, о котором недавно прочел две французские брошюрки**, и с спокойной скромностью принялся излагать их содержание, не упоминая, впрочем, о них ни единым словом» [Тургенев, 1976, VI, с. 39]. Мимолетная деталь характеристики тургеневского героя-«дилетанта», больше всего

---

<sup>1</sup> Эта черта сближает мистера Астлея также и с одним из героев очерка Теккерея лордом Талбойсом. См. подробнее: *Кибальник С.А. Достоевский и Теккереи (о претекстах романа «Игрок») // Достоевский и мировая культура. Альманах № 30. Ч. 1. – М., 2013. – С. 126-148.*

---

напоминающего в «Игроке» француза Де-Грие, становится у Достоевского основной сферой деятельности полуидеального героя-англичанина.

Вообще же англичане-промышленники в литературе того времени были расхожим типом богатого мужчины – выгодного жениха или щедрого покровителя. Так, в «Утраченных иллюзиях» Бальзака об одном из них мы узнаем из мимолетного признания эпизодического персонажа – театральной актрисы: «Ну, а ты, деточка, – сказал Фино красивой “поселянке”, слушавшей их разговор, – где ты похитила алмазные пуговицы, что у тебя в ушах? Обобрала индийского принца? – Нет, **англичанина, фабриканта ваксы**; он уже уехал!» [Бальзак, 1983, IV, с. 247].

Обеспеченность (а «мистер Астлей колоссально богат») [Достоевский, 1973, V, с. 221] и предпринимательская деятельность отчасти роднят мистера Астлея с капитаном Гиксом из очерка В.Теккеря «The Kicklebury on the Rhine» («Кикльбюри на Рейне» – 1850), пользующимся (в отличие от него) взаимностью в отношениях с Фанни Кикльбюри. В отличие от мистера Астлея, драгунский капитан Гикс, впрочем, самого демократического происхождения: его «отец богатый стряпчий на Бедфорд-Роу». Причем у Теккеря подчеркивается отсутствие природных различий между людьми знатного и незнатного происхождения: «Усы мещанина, мой любезный Ленкин, растут не хуже бороды какого-нибудь маркиза; а чтоб выучиться полькировать, не нужно много благородной крови» [Бутаков, 1851, с. 38, 107].<sup>1</sup>

Впрочем, исследователи уже давно и небезосновательно находят следы мистера Астлея не только в английской и французской, но также и в русской литературе. Так А. Бем высказал предположение о том, «не является ли и М-р Астлей творческим развитием эпизодического англичанина, которому близкий родственник покойной графини во время ее похорон шепнул на ухо, что Герман “ее побочный сын”, на что “англичанин ответил холодно: Oh!?”» [Бем,

---

<sup>1</sup> Об очерке Теккеря как претексте «Игрока» см.: Кибальник С.А. Достоевский и Теккерей (о претекстах романа «Игрок») // Достоевский и мировая культура. Альманах № 30. Ч. 1. – М., 2013. – С. 126-148.

1925, с. 384]. Разумеется, этот пушкинский англичанин мог послужить лишь первоначальным зерном образа мистера Астлея и, возможно, первоисточником одной детали в поведении героя: «Он радушно протянул мне руку, с своим обычным восклицанием: “А!”» [Достоевский, 1973, V, с. 285].<sup>1</sup>

Совсем другие, гораздо более значительные интертекстуальные связи, по-видимому, есть у этого образа с гончаровским «Обломовым». «Мистер Астлей является в романе, носителем тех положительных качеств, которые представляются нужными и даже спасительными для русского человека. – отмечал Н.С. Тендитник, – Эти черты – трезвость, деловитость, практицизм. Для большой эпохи, убежден Достоевский, нужны люди дела, а не красивых слов. <...> Подобно тому, как Гончаров в поисках настоящего человека возвеличил образ буржуазного дельца Штольца, так и Достоевский наделяет избранного им героя чертами практического склада, неутомимой жизненной энергии, одновременно сочетавшейся с благородством и застенчивостью» [Тендитник, 1955, с. 71-90]. Впрочем, при этом исследователь проходит мимо того существенного обстоятельства, что в характере мистера Астлея одновременно выявляются черты как Штольца (холодность,

---

<sup>1</sup> Не совсем верно, что мистер Астлей, как иногда об этом пишут, никогда не заходит на рулетку (см.: Криницын А.Б. Творчество Достоевского в контексте европейской литературы // [www.portal-slovo.ru](http://www.portal-slovo.ru)). Напротив, он не только там бывает, но даже неплохо понимает в игре, хотя и никогда не ставит: «Мне много в этом объяснил мистер Астлей, который целое утро простоял у игорных столов, но сам не поставил ни разу» [Достоевский, 1973, V, с. 224]. И в этом отношении он напоминает пушкинского Германна, о котором «один их гостей» отзывался так: «отроду не брал он карты в руки, отроду не загнул ни одного пароли, а до пяти часов сидит с нами, и смотрит на нашу игру!». Впрочем, он, безусловно, не мог бы в точности повторить вслед за Германном объяснение своему поведению, которое давал тот: «– Игра занимает меня сильно, – сказал Германн: – но я не в состоянии жертвовать необходимым в надежде приобрести излишнее» – хотя бы потому что ему не пришлось бы жертвовать необходимым» [Пушкин, 1948, VIII (1), с. 232].

практицизм, рассудочность), так и Обломова (искренность, сердечность).

Как бы совмещая тем самым в одном лице образы Штольца и Обломова, Достоевский в одном существенном отношении остается на позициях Гончарова: его героиня может оценить достоинства такого человека, как мистер Астлей, но не может полюбить его. Более того, Достоевский сознательно несколько трансформирует сюжетную схему «Обломова», выказывая тем самым свой скепсис к перспективам союза Ольги Ильинской и Штольца: по крайней мере, в границах романного пространства «Игрока» Полина продолжает любить Алексея Ивановича и воздерживается от того, чтобы выйти замуж за мистера Астлея. Причем препятствием к этому оказывается именно его штольцевская рассудочность: «А мистер Астлей?.. Ну, этот не соскочит с Шлангенберга, как ты думаешь?..» – а также, возможно, его снобизм и высокомерие по отношению к русским: «Он говорит, что мы, русские, без европейцев ничего не знаем и ни к чему не способны... Но он тоже добрый!» [Достоевский, 1973, V, с. 297].<sup>1</sup>

По точному замечанию И.Л. Альми, «ситуация ухода русской женщины к “чужаку” (сюжетный стержень “Обломова” и “Накануне”), по Достоевскому, – следствие давней общественной болезни – беспочвенности культурного слоя, порожденной особыми условиями «петербургского периода» русской истории» [Альми, 1999, с. 509-510]. Однако эта сюжетная ситуация в «Игроке» все же так и не реализуется, и роман Достоевского в этом отношении оказывается внутренне соотносен с названными исследовательницей произведениями русской литературы в полевом плане. Эта черта художественного мира Достоевского сохраняется и в его дальнейшем творчестве: Катерина Николаевна Ахмакова из «Подростка» отказывается от своего намерения выйти замуж за барона Бьоринга, Грушенька в «Братьях Карамазовых» разочаровывается в герое-поляке, в которого она была влюблена [Достоевский, 1976, XIV, с. 376-390].

---

<sup>1</sup> Ср. сходную черту в Васине из «Подростка», вызвавшую разочарование в нем Лизы Версиловой: «...Васин даже очень скоро перестал ей тогда нравиться; он был спокоен, и именно это-то вечное ровное спокойствие, столь понравившееся ей вначале, показалось ей довольно неприглядным» [Достоевский, 1973, XIII, с. 579].

Таким образом, разные черты мистера Астлея восходят к различным литературным источникам: его беззаветная рыцарская преданность и самоотверженное служение – к жоржсандовскому сэру Ральфу Брауну и к бальзаковскому лорду Гранвиллю, его доброта и флегматичность – к векфильдскому священнику В. Гольдсмита и героям Ч. Диккенса, его холодность, практицизм, рассудочность и одновременно дружеское участие в судьбе Алексея Ивановича – к гончаровскому Штольцу, его сердечность – к Обломову, его мучения ревности и в то же время готовность переступить через связь любимой женщины с другим мужчиной – к Арману Дювалю Александра Дюма-сына. Полигенетизм этого образа помогает Достоевскому создать поистине многосторонний характер, образ «положительно прекрасного человека», далекий от ходульности и необидительности гоголевских помещиков из второго тома «Мертвых душ».

Симпатия, которой согрет в романе Достоевского мистер Астлей, в наиболее обобщенной форме – как симпатия к англичанам вообще – выражена «бабушкой»: «Англичанин. То-то он уставился на меня и **зубов не разжимает**. Я, впрочем, люблю англичан» [Достоевский, 1973, V, с. 251]. Эта симпатия имеет в русской литературе давнее происхождение и восходит к англomании, распространившейся в русской литературе еще со времен героев Грибоедова («помешанный на Англии и всем английском» князь Григорий в «Горе от ума») и Пушкина (увлекающийся дендизмом Онегин и «настоящий русский барин» Григорий Иванович Муромский из «Барышни-крестьянки»). Тип русского героя-англомана широко представлен и в творчестве Тургенева – вспомним хотя бы Павла Петровича Кирсанова в «Отцах и детях». Менее хрестоматийный пример, безусловно, также бывший на памяти у Достоевского – это отец Лаврецкого в «Дворянском гнезде»: «Иван Петрович вернулся в Россию англоманом. Коротко остриженные волосы, накрахмаленное жабо, долгополый гороховый сюртук со множеством воротничков, кислое выражение лица, что-то резкое и вместе равнодушное в обращении, **произношение сквозь зубы**, деревянный внезапный хохот, отсутствие улыбки, исключительно политический и политико-экономический разговор, страсть к кровавым ростбифам и портвейну – все в нем так и веяло Великобританией; весь он казался пропитан ее духом» [Тургенев, 1976, VI, с. 59].

Мистер Астлей, безусловно, обрисован в романе в соответствии с этим этнокультурным гетеростереотипом англичанина, который сформировался в русской культуре к середине XIX века [см.: Бойко, 1994, с. 5-60]. Его сдержанность, молчаливость, спокойствие, хладнокровие, застенчивость названы и показаны в романе неоднократно: «Впрочем, мистер Астлей до того застенчив, стыдлив и молчалив, что на него почти можно понадеяться, – из избы сора не вынесет» [Достоевский, 1973, V, с. 221], «Любопытно и смешно, сколько иногда может выразить взгляд **стыдливого и болезненно-целомудренного человека**, тронутого любовью, и именно в то время, когда человек уж, конечно, рад бы скорее сквозь землю провалиться, чем что-нибудь высказать или выразить, словом или взглядом. <...> Он снимает шляпу и проходит мимо, умирая, разумеется, от желания к нам присоединиться. Если же его приглашают, то он тотчас отказывается» [Достоевский, 1973, V, с. 222], « – Я люблю вас и потому к вам пришел <...> он был **очень застенчив**» [Достоевский, 1973, V, с. 244], «**спокойно** отвечал мистер Астлей» [Достоевский, 1973, V, с. 248].

Отчасти этот гетеростереотип, безусловно, питался западно-европейской и прежде всего французской литературой. Те же самые черты английского национального характера: серьезность, невозмутимость, хладнокровие – подчеркиваются во многих знакомых Достоевскому произведениях европейских литератур – например, в той же «Тридцатилетней женщине» Бальзака: «Дружеская шутка вызвала веселый холод. Только Артур по-прежнему был **холоден и невозмутим, как подобает джентльмену**, который считает, что серьезность должна быть основой характера» [Бальзак, 1983, II, с. 105]. Так, этноцентризм и высокомерие по отношению к русским: «Он говорит, что мы, русские, без европейцев ничего не знаем и ни к чему не способны...» [Достоевский, 1973, V, с. 297] – могли быть известны Достоевскому не только из личных впечатлений, но и из их обобщенной характеристики в очерке Теккерей: «Мы возьмем с собою всюду нашу нацию: мы на своем острове, где бы мы не находились», «Правду же говорят, будто бы нам, англичанам, **нравится только свое** и что мы переносим с собою всюду свое предубеждение» [Бутаков, с. 121, 124].

Впрочем, если мистер Астлей все же образ-стереотип, то отнюдь не обобщенного, а довольно детализированного рода. Так, в него входит не только снобизм, но и не так уж часто отмечаемые в англичанах добросердечие, теплота и дружелюбие. Как мы видели выше, некоторые черты мистера Астлея скорее противоречат стереотипу англичанина и, может быть, идут от идеи Достоевского создать образ «положительно прекрасного» человека. И, следовательно, Астлей не такой уж и стопроцентный англичанин. Скорее в нем можно видеть своего рода интерференцию черт русского и англичанина – не только потому, что образ англичанина создается Достоевским средствами русского языка, но и потому что среди литературных прообразов его ощущаются и некоторые герои русской литературы.

#### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

**Альми, И.Л.** «Француз и русская барышня» – три стадии в развитии одного сюжета (Загоскин, Пушкин, Достоевский) / И.Л. Альми // Статьи о поэзии и прозе. – СПб: «Скифия», 2002. Кн. 2. – С. 508-509.

**Бальзак, О. де.** Собр. соч.: В 10 т. / О. де Бальзак. – М.: Художественная литература, 1982-1987. Т. II. – М., 1983. – 735 с.; Т. IV. – М., 1983. – 607 с.

**Бем, А.Л.** «Игрок» Достоевского: (В свете новых биогр. данных) / А.Л. Бем // Современные записки. – 1925. Кн. 24. – С. 379-392.

**Бойко, М.Н.** Художественная «география» Достоевского / М.Н. Бойко // Художественные проблемы русской культуры второй половины XIX века. – М.: Искусство, 1994. – С.5-60.

**Бутаков, А.** Английские туристы. Очерк Вильяма Теккерея / А. Бутаков // Отечественные записки. – 1851, № 6, отд. VIII. – С. 106-144.

**Достоевский, Ф.М.** Полн. собр. соч.: В 30 т. / Ф.М. Достоевский. – Л.: Наука, 1972-1988. Т. V. – 407 с.; Т. XIII. – 456 с.; XIV – 511с.

**Дюма, А.** Дама с камелиями // Александр Дюма-отец, Александр Дюма-сын. Дама с камелиями. Графиня Солсбери. Полина. – Ставрополь: Ставропольское книжное издательство, 1993. – С. 5-161.

---

**Живолупова, Н.В.** Исповедь антигероя в архитектонике «Игрока» Достоевского / Н.В. Живолупова // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. – Воронеж: Воронежский государственный университет. – 2004. – № 1. – С. 13-16.

**Жилякова, Э.М.** Синтез эпического и драматического начал в творчестве Достоевского (от романа «Игрок» к рассказу «Вечный муж») / Э.М. Жилякова // Творчество Ф.М. Достоевского: Искусство синтеза. Сб. ст. Ред. Г.К. Щенникова, Р.Г. Назирова. – Екатеринбург: Екатеринбургский государственный университет, 1991. – С. 182-203.

**Катарский, И.** Диккенс в России/ И. Катарский. – М.: Наука, 1966. – 428 с.

**Кибальник, С.А.** Проблемы интертекстуальной поэтики Достоевского (на материале романа «Игрок») / С.А. Кибальник // Русская литература. – 2014. – № 1. – С. 135-148.

**Пушкин, А.С.** Полн. собр. соч. Т. 8. Кн. 1. / А.С. Пушкин. – М.; Л.: Издательство Академии наук, 1948. – 496 с..

**Санд, Жорж.** Индиана / Жорж Санд // Собр. соч. Т. 1. – М.: Художественная литература, 1983. – С. 39-258.

**Тендитник, Н.С.** Проблематика романа Ф.М. Достоевского «Игрок» / Н.С. Тендитник // Труды Иркутского государственного университета им. А.А. Жданова: Серия литературоведения и критики. – Иркутск: Иркутский государственный университет, 1955. – Т. XXVIII. Вып. 1. – С. 71-90.

**Тургенев, И.С.** Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. / М.С. Тургенев. – М.: Наука, 1972. – Изд. продолжается. Т. VI. – 495 с.

**Jones, M.V.** The Enigma of Mr. Astley // Dostoevsky Studies: New Series. Vol. 6. – Tübingen: Narr Francke Attempto Verlag, 2002. – P. 39-47.